# ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2022.03.1.001
УДК 123 + 008:70 + 122 + 930.24 + 81’42 + 159.9.23 + 32.019.5

## НЕОБХОДИМОСТЬ И СУДЬБА

**М. Е. Соболева**
Марбургский университет им. Филиппа
Марбург, Германия

**Аннотация:** В центре данной статьи находится проблема необходимости в социальной сфере. Сначала вводится понятие необходимости как производное от причинно-следственных или логических отношений. Затем указывается на особенность сферы социальных взаимодействий, заключающуюся в том, что социальная действительность конституирована языком и может поэтому рассматриваться как дискурсивный универсум. Этим обусловлена особенность необходимости в сфере общественных отношений: она имеет не каузальный, а квазикаузальный характер. Последнее означает, что отношения между отдельными явлениями имеют характер событий, которые формируются в контексте определенного нарратива. Реальность в таком случае утрачивает значение основания для события и выполняет всего лишь функцию референции, а необходимость функционирует как приписывание тем или иным событиям роли причины. Для демонстрации того, как данные теоретические положения работают на практике, рассматривается политическая доктрина К. П. Победоносцева (1827–1907), правоведа, юриста и видного политического деятеля своего времени, разделяющего взгляды русских консервативных националистов. Анализ ее позволяет подтвердить гипотезу о том, что между политическим действием и реальными процессами всегда существует разрыв. Из этого, в свою очередь, следует, что необходимость таких действий вызывается не логикой факта, а логикой интерпретации фактов, как правило, в рамках некой политической программы.

© Соболева М. Е., 2022

В дальнейшем показывается, что в области социального возможны два сценария обоснования необходимости — мифический и аргументативный. Приводится характеристика и раскрываются различия между этими двумя видами дискурса и между сформированными ими представлениями о необходимости. В последней части работы рассматривается понятие о судьбе как субъективной стороне вопроса о необходимости. Утверждается, что место разворачивания судьбы — это дискурсивный универсум, из чего следует, что судьба сплетена событиями, представляющими собой квазипричинность, т. е. она имеет вероятностный характер. Таким образом разрывается связь между судьбой и необходимостью.

**Ключевые слова:** необходимость, дискурсивный универсум, причинность, квазипричинность, событие, нарратив, политическое действие, судьба.

**Для цитирования:** *Соболева М. Е.* Необходимость и судьба // Koinon. 2022. Т. 3. № 1. С. 7–21. DOI: 10.15826/koinon.2022.03.1.001

## NESSESITY AND FATE

**M. E. Soboleva**
Philipps University of Marburg
Marburg, Germany

**Abstract:** The article focuses on the problem of necessity in the social sphere. The concept of necessity is, first, introduced as a derivative of cause-and-effect and logical relations. Then the author emhisezes the peculiarity of the sphere of social interactions which consists of the fact that social reality is constituted by language and can therefore be considered as a discursive universe. Due to this peculiarity, the necessity in the sphere of social relations has not a causal but a quasi-causal character. The latter means that the relationship between individual phenomena has the character of "events" that are formed in a certain narrative context. Here, reality loses the role of the ground for events and performs only the function of reference. In this case, necessity functions as the attribution of the role of cause to certain events. To demonstrate how these theoretical positions work in practice, the author considers the political doctrine of K. P. Pobedonostsev (1827–1907), a jurist, lawyer and prominent political figure of his time, who shares the views of Russian conservative nationalists. This analysis allows us to confirm the hypothesis that there is always a gap between political action and real processes. From this, in turn, it follows that the necessity of political actions is caused not by the logic of the mere fact but by the logic of the interpretation of the facts within the framework of a certain political program. After that, the author argues that, in the field of social, two scenarios for justifying necessity are possible — mythical and argumentative. He analyzes and compares these two types of scenarios as well as the ideas of necessity formed within them. The last part of the work examines

the concept of fate as a subjective side of the question of necessity. The author also argues that the place of unfolding fate is a discursive universe. From this, it follows that fate is intertwined with events that are quasi-causal; therefore it has a probabilistic character. Thus, the connection between fate and necessity is broken.

**Keywords:** necessity, discursive universe, causality, quasi-causality, event, narrative, political action, fate.

**For citation:** Soboleva, M. E. (2022), "Necessity and Fate", *Koinon*, vol. 3, no. 1, pp. 7–21 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2022.03.1.001

## Необходимость в естественных и гуманитарных науках

«Один из наиболее смелых шагов, предпринятых стоической мыслью, состоит в расщеплении причинной связи. Причины соотносятся в глубине в характерном для них единстве, а эффекты поддерживают на поверхности специфические отношения иного типа. Судьба — это прежде всего единство и связь физических причин между собой; бестелесные эффекты, очевидно, подчиняются судьбе в той мере, в какой они являются эффектами физических причин. А в той мере, в какой эффекты по своей природе отличаются от причин, они вступают в отношения квазипричинности и вместе вступают в связь с собственно бестелесной квазипричиной, которая обеспечивает им весьма специфическую независимость — но не столько от судьбы, сколько от необходимости, обыкновенно сопутствующей судьбе. В том-то и парадокс стоиков — признавать судьбу и отрицать необходимость», — пишет Жиль Делёз в «Логике смысла» [Делёз 1995, с. 204].

Данным отрывком начинается глава, посвященная анализу коммуникации «событий»[1], но он интересен и сам по себе, поскольку заставляет задуматься, на каком уровне формируется необходимость и что вообще это такое. Данный вопрос будет находиться в центре внимания данной работы. Прежде всего следует отметить, что обычно необходимость выражают в понятиях причины и следствия, предполагая, что следствие строго детерминировано причиной. Многочисленные примеры такого отношения предлагает нам природа — ее физико-химические закономерности. Однако как ни банально и самоочевидно, например, что дыма без огня не бывает, тем не менее теоретически возможны нарушения и изменения природных механизмов, следствием которых может стать нарушение привычных необходимых причинно-следственных взаимосвязей. Еще Лейбниц, рассуждая о типах законов, пришел к выводу, что

[1] Под «событием» Делёз понимает не то, что происходит, а «то, что должно быть понято, на что направлена воля и что представлено в происходящем» [Делёз 1995, с. 181].

возможно чудо, т. е. нечто непредсказуемое и противоречащее нормальному, привычному ходу вещей, именно в силу того, что природная детерминированность настолько сложное явление, что нельзя исключить возможность другого протекания природных процессов по сравнению с фактическим. Полностью соглашаясь с Лейбницем, следует также отметить, что сама необходимость, в отличие от обусловливающих ее причинно-следственных связей, — это не некий природный феномен, а понятие, отражающее наше представление о действительности. Продемонстрировать это можно уже с помощью простейших мысленных экспериментов à la Хилари Патнэм, сравнив, например, знания человечества, скажем, пять тысяч лет назад и сегодня: как сам набор причинно-следственных связей для какого-либо явления, так и их содержание будут, как правило, значительно отличаться. Необходимость, следовательно, будет иметь иное наполнение.

Разумеется, Лейбниц прекрасно понимал, что, несмотря на отстаиваемый им принцип предустановленной гармонии, который в данном аспекте можно интерпретировать как соответствие содержания открытых природных законов скрытым механизмам самой природы, утверждение необходимости чего-либо в конечном счете основывается на отношении высказываний между собой. Чтобы ограничить методологический и онтологический волюнтаризм, он ввел требование, согласно которому необходимыми можно считать лишь те высказывания, которые сохраняли бы свою истинность в любом из возможных миров. Заметим, что Лейбниц не придавал своему довольно радикальному критерию необходимости характера императива типа «проверяй свое утверждение о необходимости некоего события на его истинность во всех возможных мирах, прежде чем его сделать». Тем не менее именно в качестве императива в кантовском смысле этот критерий мог бы найти эффективное применение прежде всего в тех областях человеческой деятельности, которые конституированы дискурсивно.

В этом месте логика нашей аргументации требует коротко напомнить о положении, которое сегодня разделяют практически все социальные и гуманитарные науки. Это положение о символическом характере человеческой действительности. Существуют различные формулировки этой мысли и различные теории, нацеленные на ее обоснование. Одной из классических работ является философия символических форм Эрнста Кассирера, три тома которой вышли с 1923 по 1927 год. Здесь Кассирер предложил понимать объективную реальность как систему человеческого опыта, имеющую исторический характер и предполагающую в качестве необходимого условия возникновения изначальную активность человеческого духа. Сущность онтологии Кассирера можно выразить следующей формулой: то, что мы называем «мир», является результатом деятельности духа, направленной на понимание; дух же есть то, что манифестирует себя в образах культуры, а, следовательно, культура

отражает историческую феноменологию человеческого духа. Кассирер понимает человека как homo symbolicus, разумная деятельность которого заключается в создании культуры, которая начинается уже с самых элементарных актов восприятия и состоит в том, чтобы наделять значениями природный мир, т. е. превращать предметы в значения. Культуротворческая деятельность человека возможна благодаря «символическому понятию», обеспечивающему наделение чувственно воспринятого смыслом. В результате средой обитания человека становится совокупность символических форм: миф, язык, наука и т. д., — изнутри которых он выстраивает свое отношение с миром и которые в значительной степени определяют его познавательное и ценностное отношение к миру.

Кассирер, разумеется, был не первым, кто высказал утверждение о символическом характере нашего опыта мира. Это новое понимание было подготовлено работами Макса Шелера, Георга Зиммеля, Макса Вебера, Вильгельма Дильтея, Вильгельма Виндельбанда, Германа Когена и многими другими. Работы самого Кассирера получили огромный резонанс в антропологии Хельмута Плесснера с его знаменитым законом о «естественной искусственности» человека, т. е. о спонтанном создании человеком так называемой «второй» природы, в теории искусства Нельсона Гудмена, в социологии Корнелиуса Касториадиса, принимающей «социальное воображаемое» в качестве элемента, конституирующего общество, в политической философии Пьера Бурдье, утверждающей идеологический характер любого социального действия, и т. д. Наряду с этими рафинированными теориями, существует немало вульгаризированных вплоть до ортодоксально-марксистского представления о человеке как сумме общественных отношений и об индивидуальном сознании как кальки с соответствующего классового сознания. В контексте данной статьи ссылка на эти теории служит лишь для того, чтобы выявить необходимое условие для постановки вопроса о необходимости в области социальных взаимодействий. Это необходимое условие заключается в том положении, которое разделяют многочисленные философские, философско-антропологические и социологические теории, несмотря на порой кардинальные различия между ними, а именно, что человек никогда не имеет непосредственного доступа к голым, или «чистым», вещам и процессам.

И вещи и процессы всегда включены в ту или иную систему смысловых взаимосвязей. Причем эта включенность в систему значений настолько естественна для человеческого восприятия мира, что человек ее практически не замечает. Она сохраняет для него свою прозрачность до тех пор, пока он не задумывается над самим способом нашего восприятия мира. Только в этом случае обнаруживается многослойность процесса восприятия, включая простое чувственное восприятие чего-либо, которое формируется с участием убеждений, ценностей, оценок, знаний, верований, диспозиций, склонностей

и т. д. Все воспринятое предстает всегда как «синтез мира и духа», по выражению Кассирера, и, следовательно, этот синтез следует рассматривать в качестве исходного пункта для рассуждений о необходимости социальных явлений.

## Социальное бытие и политическое действие в теории К. П. Победоносцева

Продемонстрировать, как работает данное положение в области социальных интеракций, можно на основе политической философии Константина Петровича Победоносцева (1827–1907), традиционно относимого исследователями к представителям русских консервативных националистов [Пешков 1996]. Победоносцев был видным политическим и общественным деятелем в России: профессор юридического факультета Московского университета по кафедре гражданского права (1860–1865), член Государственного совета (1872–1905), обер-прокурор Святейшего синода и член Комитета министров (1880–1905), преподаватель законоведения наследникам престола — Николаю Александровичу (старший сын императора Александра II), будущим императорам Александру III и Николаю II. Все его политические интересы были сконцентрированы на настоящем и будущем России, которой он всю свою жизнь старался служить верой и правдой в силу своих возможностей и своего разумения (что получило высокое признание, например, у Ф. М. Достоевского и В. В. Розанова). Для анализа возьмем его «Московский сборник», по мнению исследователей наиболее полно отражающий политические убеждения Победоносцева[2], и процитируем сначала несколько высказываний из него.

«Организация партий и подкуп — вот два могучих средства, которые употребляются с таким успехом для орудования массами избирателей, имеющими голос в политической жизни. <…> Но в наше время изобретено еще новое средство тасовать массы для политических целей и соединять множество людей в случайные союзы, возбуждая между ними мнимое согласие мнений. Это средство, которое можно приравнять к политическому передергиванию, состоит в искусстве быстрого и ловкого обобщения идей, составления фраз и формул, бросаемых в публику с крайнею самоуверенностью горячего убеждения, как последнее слово науки, как догмат политического учения, как характеристику событий, лиц и учреждений. <…> Всякое обобщение происходит путем *отвлечения*: из множества фактов одни, не идущие к делу,

[2] Мы оставим в стороне спор между исследователями об авторстве этой работы, т. е. мнение, что тексты «Московского сборника» представляют собой конспект книги Макса Нордау «Условная ложь культурного человечества», переведенной на русский язык в 1907 г. Для наших целей эта проблема не релевантна.

устраняются вовсе, а другие, подходящие, группируются, и из них выводится общая формула. Очевидно, что все достоинство, т. е. правдивость и верность этой формулы, зависит от того, насколько имеют решительной важности те факты, из которых она извлечена, и насколько ничтожны те факты, кои притом устранены как неподходящие. Быстрота и легкость, с которою делаются в наше время общие выводы, объясняются крайнею бесцеремонностью в этом процессе подбора подходящих фактов и их обобщения. Отсюда громадный успех политических ораторов и поразительное действие на массу общих фраз, в нее бросаемых. Толпа быстро увлекается общими местами, облеченными в громкие фразы, общими выводами и положениями, не помышляя о поверке их, которая для нее недоступна: так образуется единодушие в мнениях, единодушие мнимое, призрачное, но тем не менее дающее решительные результаты» [Победоносцев 1996, с. 279].

«По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практике господствуют пять-шесть предводителей партии; они, сменяясь, овладевают властью. По теории, убеждение утверждается ясными доводами во время парламентских дебатов; на практике оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волею предводителей и соображениями личного интереса. По теории, народные представители имеют в виду единственно народное благо; на практике они под предлогом народного блага и на счет его имеют в виду преимущественно личное благо свое и друзей своих. По теории — они должны быть из лучших, излюбленных граждан, на практике — это наиболее честолюбивые и нахальные граждане. По теории — избиратель подает голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике — избиратель дает голос за человека, которого он по большей части вообще не знает, но о котором натверждено ему речами и криками заинтересованной партии. По теории — делами в парламенте управляют и двигают опытный разум и бескорыстное чувство; на практике — главные движущие силы здесь — решительная воля, эгоизм и красноречие» [Там же, с. 290].

«Сторонники министерской партии подают голос всегда за правительство; им приходится во всяком случае стоять за него — не ради поддержания власти, не из-за внутреннего согласия во мнениях, но потому, что это правительство само держит членов своей партии во власти и во всех сопряженных со властью преимуществах, выгодах и прибылях. Вообще существенный мотив каждой партии — стоять за своих во что бы то ни стало или из-за взаимного интереса, или просто в силу природного инстинкта, который побуждает людей разделяться на дружины и лезть стенка на стену. Очевидно, что согласие в мнениях имеет в этом случае очень слабое значение, а забота об общественном благе служит прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов» [Там же, с. 296].

«Каждый день поутру газета приносит нам кучу разнообразных новостей. <…> Но пускай бы еще предлагались одни новости: нет, они предлагаются в особливой форме, окрашенные особливым мнением, соединенные с безымянным, но очень решительным суждением. Есть, конечно, серьезные умы, руководящие газетой; таких немного; а газет великое множество, и всякое утро некто, совсем незнаемый мною и, может быть, такой, какого я и знать не хотел бы, навязывает мне свое суждение, выдавая его авторитетно за голос общественного мнения. Но всего важнее то, что эта газета, обращаясь ежедневно даже не к известному кругу людей, но ко всему люду, умеющему лишь разбирать печатное, предлагает каждому готовые суждения обо всем и, таким образом, мало-помалу, силою привычки отучает своих читателей от желания и всякого старания иметь свое собственное мнение; иной не имеет возможности сам себе составить его и воспринимает механически мнение своей газеты; иной и мог бы рассудить самостоятельно, но ему некогда думать посреди дневной суеты и заботы, и ему удобно, когда за него думает газета. Очевидно, какой из этого происходит вред, именно в наше время, когда повсюду действуют сильные течения тенденциозной мысли и стремятся уравнять всякие углы и отличия индивидуального мышления и свести их к единообразному уровню так называемого *общественного* мнения: в этих условиях газета служит сильнейшим орудием такого уравнения, ослабляющего всякое самостоятельное развитие мысли, воли и характера. А притом для какого множества людей газета служит почти единственным источником образования, жалкого, мнимого образования, когда масса разных сведений и известий, приносимая газетой, принимается читателем за *действительное знание*, которым он с самоуверенностью вооружает себя» [Там же, с. 305].

«Тем опаснее становится для общества непомерное умножение законов, что способ приготовления и обсуждения их совершенно извращен в последнее время началами новейшей демократии. Все совершение закона становится делом партии, и самый закон становится орудием партии. Много требуется разумного, внимательного труда над приготовлением закона в большом, особливо разноплеменном государстве: для того, чтобы закон вышел действенный, нужно, чтоб он отвечал действенной потребности народной в той области, к которой он относится, чтобы в нем было полное соответствие с экономией быта и правдою души народной. Возможно ли соблюдение всех этих условий там, где обсуждение закона превращается лишь в состязание партий, в борьбу отвлеченных начал и где все решается не разумною оценкой мнений, а лишь механическим счетом голосов многолюдного собрания. Решает большинство, искусственно составляемое подбором, двигателями коего служат равнодушие или стадное побуждение у одних, у других страсть или фанатизм доктрины, у иных интерес личный. Итак, в основании решения — одна формула или условная фикция, в которой ничему реальному, разумному, устойчивому нет места» [Там же, с. 320].

Какое отношение эта жесткая критика Победоносцевым парламентаризма и поддерживающих его институций, таких как пресса, имеет к проблеме необходимости? В первой из приведенных цитат говорится, что общие положения, служащие руководством к действию, часто не проверяются на соответствие действительности и принимаются на веру. Во второй — что политика основывается не на учете реальных интересов людей, а на интересах самих политиков. В третьей — что политические программы, как правило, утверждаются не на основе четких и ясных аргументов во время парламентских дебатов, а благодаря питаемой волей к власти риторике. В четвертой — что информирование о фактах заменяется представлением суждений об этих фактах. Наконец, в последней — что политические решения нередко основываются на фикциях, не имеющих ничего общего с реальным положением дел. С точки зрения вопроса о необходимости эти рассуждения Победоносцева любопытны тем, что они выявляют разрыв между политическим действием и реальными общественными процессами, а также приоритет действия по отношению к состоянию дел. Отсюда можно заключить, что необходимость таких действий вызывается не логикой факта (или реальными потребностями демоса), а логикой интерпретации фактов или в рамках некой произвольной политической программы или, в худшем случае, в рамках своекорыстных индивидуальных или групповых интересов.

В контексте политических действий, в том виде, как они представлены Победоносцевым, «синтез мира и духа», о котором говорилось выше, претерпевает деформацию за счет инфляции компонентов «мира». Это проявляется в том, что при утверждении необходимости чего-либо реальность (мир) утрачивает характер основания и приобретает характер всего лишь *референции*. Различие заключается в том, что в первом случае взаимосвязь событий вызывается некоторой реальной причиной, а во втором — такая причинная обусловленность отсутствует, и референция функционирует как *приписывание* некоторому положению вещей статуса причины или же вообще *остается индифферентной* в причинном отношении к действию. Поэтому в таком случае необходимость локализуется не в сфере материального (процессуального) или логического, а переносится в сферу дискурса, а нередко и просто в сферу риторики. Политическое действие при этом оказывается социально беспочвенным.

## Необходимость как создание события

Нелицеприятная критика Победоносцева обличает современный ему парламентаризм в радикальном номинализме и эгоизме, что бесспорно представляет собой односторонний взгляд на этот общественный институт. Дело в данном случае не в том, справедлива ли она и можно ли ее обобщать,

а в том, что в ней указывается на один, на наш взгляд, конститутивный момент в понимании мотивации политического действия. Этот момент заключается в том, что политическое действие осуществляется в *дискурсивном универсуме*, который (используя геометрическую модель) лишь по касательной проходит к материально-процессуальному универсуму.

Для того чтобы пояснить, что здесь имеется в виду, сошлемся на предложенную современными теоретиками интерпретацию проблематичного понятия «исторический факт». Одной из пионерских работ в этом отношении является, на наш взгляд, эссе Георга Зиммеля «Проблема исторического времени» (1916), в которой автор выступает с критикой историцизма, придерживающегося позиций исторического реализма и соответственно считающего, что история представляет собой объективную, хронологически последовательную непрерывность происшествий во времени. По мнению Зиммеля, историю создает не некий, независимый от интерпретатора ход вещей, а их «понятийная кристаллизация», благодаря которой некоторое число единичных явлений объединяются в одно событие, тем самым впервые создавая его. Причем он полагает, что «группа явлений понимается не потому, что у нее есть определенное место во времени, но потому, что в ней взаимообусловливаются содержания» [Зиммель 1996, с. 519]. Это означит, что, несмотря на то что любое явление характеризуется абсолютным положением на оси хронологических координат, исторический характер приобретают лишь те из них, которые выделяются и объединяются в некое содержательное единство, т. е. в событие. Причем «только подведенные под понятия и значимые как единства исторические содержания имеют форму жизни, переживаемой действительности — форму непрерывности» [Там же, с. 526]. Вводя «понимание» как конститутивный элемент при создании «события», Зиммель указывает на «индивидуализированность исторического познания» [Там же, с. 521], или, другими словами, на перспективный характер истории: события выстраиваются в некий нарратив, исходя из ситуации интерпретатора, понимание которого «объемлет целостность содержаний», постигая его «в связи абсолютного целого» [Там же].

Переосмысливая подходы к философии истории, Николай Бердяев в своей работе «Смысл истории» (1923) также утверждает, что «нельзя смотреть на „историческое“ как на реальность материального порядка, физиологического, географического или какого-нибудь другого», что историческое — это особое, «духовное» бытие [Бердяев 1923, с. 20]. Примечательно, что он характеризует историческое познание как «миф», поскольку исторический нарратив, в который вовлечен сам субъект истории, раскрывает, как правило, не реальную, а «идеальную» фактичность [Там же, с. 29]. Согласно ему, история творится как усилие человека понять себя и свое место в мире, как результат духовных исканий некоего высшего смысла и попыток разгадать свою судьбу,

а это объясняет, почему в историческом нарративе реальное неразрывно переплетено с мифологическим, религиозным и метафизическим. История, следовательно, не набор случайных фактов, а отражение особой онтологической структуры, элементами которой наряду с материальными являются значимые для человека идеальные смыслообразующие системы. Важно также заявление Бердяева о том, что «слово „миф“ имеет <…> реальное значение, а не противоположное реальности» [Там же, с. 116]. Тем самым он указывает на свойственное мифу качество действенности, вскрывая его сущность. Ибо бытие мифа состоит в его практицировании. Как только миф перестает быть способом бытия, он превращается в предание (легенду, сказку и т. д.). Из рассуждений Бердяева следует, что человек как историческое существо всегда представлен одновременно в двух измерениях: реальном и идеальном, которое носит мифологический характер. При этом миф как особый ценностно нагруженный нарратив обладает собственной реальностью, влияя на характер восприятия как современности, так и прошлого.

Среди работ, подчеркивающих, что «история — предмет конструирования, отправная точка которого не гомогенное и пустое время, а современность», можно назвать также неоконченную статью Вальтера Беньямина «О понятии истории» (1940) [Беньямин 1995] и монографию Хейдена Уайта «Метаистория» (1973), в которой анализируются различные способы моделирования истории. Уайт отмечает, что традиционное противопоставление истории — как обнаруженных в хрониках или посредством археологических исследований событий — и фикции — как придуманных событий — не работает, поскольку историк не в меньшей мере, чем писатель или создатель легенд «выдумывает» свою историю, моделирует свои события. Он напоминает, что одно и то же явление, например смерть какого-нибудь короля, может стать началом одной, концом другой или переходным пунктом третьей истории в зависимости от значения, которое приписывается этому явлению в той среде, к которой принадлежит данный историк [White 1991, p. 20]. Причиной такого расхождения между хронологией и историческим нарративом служат вопросы типа «как это произошло?», «почему все случилось так, а не иначе?», «что из этого выйдет?» и т. д., на которые явно или неявно стремится ответить историк в своем исследовании и которые определяют стратегию его восприятия произошедшего [Ibid., p. 21]. В основе любого исторического нарратива, который, в сущности, всегда представляет собой не описание, а объяснение происходящего, лежит, по мнению Уайта, «поэтический акт» [Ibid., p. 50]. Это означает, что, прежде чем понять, что в прошлом «в действительности произошло», историк должен предварительно структурировать совокупность явлений, подготовив из них объект познания, или, в нашей терминологии, сформировав из них событие. То, каким образом первоначально выделен объект (событие или серия событий) на фоне других, определяет не только возможную область исследования,

но и понятия, которые будут использованы для ее анализа, а также характеристики способов отношений между изучаемыми объектами. Следовательно, формальный анализ, его стратегия в значительной степени предопределены поэтическим воображением историографа.

Переходя теперь к проблеме необходимости в социальной сфере, на основании вышесказанного можно принять истинность утверждения, что историческое бытие человека складывается не из объективных фактов, как иногда наивно полагают, а из *событий*, сформированных пониманием отдельных людей. Взаимосвязанность исторических событий — это непрерывность и связность мышления в рамках определенных нарративов, а не взаимосвязанность фактов самих по себе. Другими словами, взаимосвязанность событий конституирована дискурсивно, а не выведена напрямую из какого-либо положения дел посредством простого остенсивного указания на него. Поэтому говоря о необходимости в сфере исторического бытия человека, следует иметь в виду, что «действующая» (на языке Аристотеля) каузальность уступает место весьма специфическим связям, которые можно обозначить как квазипричины. Квазипричины предполагают, что есть точки сопряжения между материально-процессуальным и дискурсивным бытием, однако происходящее в одном из этих двух универсумов не детерминирует жестко и однозначно происходящее в другом. Так, наличие ружья еще не означает, что оно должно выстрелить (перефразируя известное высказывание А. П. Чехова): его можно разрядить, сломать, продать, подарить, выбросить, отнести в музей и т. д.

Квазипричинные отношения по своей природе суть отношения вероятностные: реферируя к материально-процессуальному явлению, они затрагивают его не непосредственно, а включают его в формирующийся вокруг него дискурсивный контекст, создающий из этого явления событие. Этот контекст определяет то значение, которое приписывается данному внедискурсивному явлению в рамках события. В области социального возможны два сценария обоснования необходимости — *мифический* и *аргументативный*.

Мифический сценарий имеет тенденцию к созданию универсальных, глобальных событий, подчиняющих себе и поглощающих все другие возможные события. Мифическое событие становится тотальным и тоталитарным: любое общественно-политическое действие рассматривается из его перспективы, внутри его сферы действия и оценивается в соответствии с заданными им закономерностями. Одной из стратегий формирования мифического события служит апелляция к чувствам людей, а не к их ratio. Поэтому по своей внутренней структуре мифическое событие экспрессивно-аффективно и основывается на логике допускаемых и легитимированных им эмоций и на риторике больше, чем на формально-аргументативной логике. Мифическое событие центрировано: оно может собираться вокруг произвольного объекта, будь то

религиозный или профанный, светский предмет[3]. Именно центральный объект мифического события служит продуцентом всех прочих значений. Необходимость в данном случае создается путем распространения общих и элиминирования особых и единичных высказываний. Она выдается за причинную необходимость в смысле жесткой и однозначной детерминированности явлений (а не событий), а ее квазипричинный характер либо не рефлексируется, либо скрывается. Уверенность людей, что необходимость составляет один из законов функционирования общества, основывается на том, что дискурсивные практики поддерживаются внедискурсивными, включающими в себя всевозможные запреты и санкции за нарушение установленных правил.

В отличие от мифического, аргументативный сценарий создания необходимости не имеет тенденции к созданию глобальных, тотальных и тоталитарных событий. Аргументатация в пользу необходимости того или иного политического действия относится к локальным событиям и допускает разобщенность, несогласованность между отдельными событиями и даже их несовместимость. Возможна конкуренция между различными событиями, создаваемыми вокруг одного и того же предмета, причем сам предмет никогда не становится сакральным объектом. В идеальном случае формально-логический дискурс в пользу того или иного события использует критерий Лейбница, согласно которому вопрос о необходимости решается на основании рассмотрения возможности других политических сценариев, и если они возможны, то тем самым отрицается необходимость того, который выдвигается в качестве такового при сложившихся обстоятельствах. Заметим, что необходимость в данном случае имеет характер «единственно возможного» при данных условиях, а, следовательно, не утрачивает своей вероятностной природы, оставаясь всего лишь реализованной возможностью в отличие от нереализованных.

## Судьба

Субъективной стороной объективного и даже несколько абстрактного вопроса о необходимости оказывается вопрос о судьбе. Последний может быть поставлен как вопрос о коллективной или индивидуальной судьбе, однако

[3] Существует огромная литература, посвященная анализу мифического мышления, которую просто невозможно охватить. На одну работу, которая до сих пор не переведена на русский язык, следует указать в силу ее важности в рамках данной статьи — это «Миф о государстве» Эрнста Кассирера (1946) [Cassirer 1961]. В ней он демонстрирует опасность мифа, если объектом поклонения становится государство. По его мнению, фашизм в Германии стал возможным благодаря распространению мифического мышления и мифических практик (ритуалов и культов) в обществе. Он отмечает, что в современной технике управления людьми широко и сознательно используются приемы, способствующие распространению мифического мышления, поскольку мифически думающий человек является легко манипулируемым.

в данном случае различия между этими видами судьбы нерелевантны, так как они подлежат общим закономерностям.

Место разворачивания судьбы, как можно предположить на основании вышесказанного, — преимущественно дискурсивный универсум[4]. Из этого следует, как показано выше, что необходимость, под понятие которой судьба до известной степени подпадает, представляет собой квазипричинность, т. е. имеет вероятностный характер.

Многие могут возразить, что судьба и есть необходимость. Такое отождествление, однако, обусловлено тем, что о судьбе мы можем говорить единственно на основе уже произошедшего. Этот present perfect, настоящее совершенное время, и вызывает иллюзию необходимости, тогда как на самом деле судьба — это всего лишь одна реализованная из множества нереализованных возможностей. Это значит, что судьба протекает вне жестких причинно-следственных связей. Поэтому она, с одной стороны, непредсказуема, а с другой, она также не детерминирована прошлым, поскольку прошлое само детерминировано интересами настоящего. Судьба творится здесь и сейчас вследствие того, что всегда можно перемешать перспективы и создать новые события. Невозможность, как справедливо заметил Делёз, есть «средство коммуникации» [Делёз 1995, с. 209]. Такова и возможность — это средство коммуникации в обществе, допускающее построение альтернативных сценариев.

Из вышесказанного следует, что вполне возможно быть хозяином своей судьбы, если создавать собственные события и тем самым воздействовать на совокупность действия внешних сил. Квазипричинный характер действующей в дискурсивном универсуме необходимости ставит под вопрос нерушимость тождества между единичным человеком и историей, т. е. тотальным коллективным событием. Условием возможности нарушения этого тождества является работа со и над смыслом, конституирующим событие. Как кажется, данная позиция не имеет ничего общего с идеализмом, а, напротив, признает идеальное (смысл, нарратив и т. д.) реальным конститутивным элементом событий, на фоне которых протекает или из которых складывается судьба. Судьба — коммуникативный феномен.

**Список литературы**

Беньямин 1995 — *Беньямин В.* О понятии истории / пер. Д. Молока // Художественный журнал. 1995. № 7. С. 6–9.

[4] Разумеется, на судьбу оказывают влияния и природные феномены, например наводнения, извержения вулканов, эпидемии и т. д. Однако даже их нельзя рассматривать как независимые от дискурсивного универсума. Ярким свидетельством этого является пандемия коронавируса, которая в зависимости от проводимой государствами политики протекала по-разному.

Бердяев 1923 — *Бердяев Н. А.* Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин : Обелиск, 1923. 268 с.
Делёз 1995 — *Делёз Ж.* Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академия, 1995. 299 с.
Зиммель 1996 — *Зиммель Г.* Проблема исторического времени / пер. А. М. Руткевича // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 1 : Философия культуры / сост. С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; отв. ред. Л. Т. Мильская. М. : Юрист, 1996. С. 517–529.
Пешков 1996 — *Пешков А. И.* «Кто разоряет — мал во царствии Христовом…» // Победоносцев К. П. Сочинения / вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб. : Наука, 1996. С. 3–31.
Победоносцев 1996 — *Победоносцев К. П.* Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения / вступ. ст. А. И. Пешкова. СПб. : Наука, 1996. С. 264–471.
Cassirer 1961 — *Cassirer E.* The Myth of the State. New Haven : Yale University Press, 1961. 303 p.
White 1991 — *White H.* Metahistory. Die historische Einbildungskraft im 19. Jahrhundert in Europa. Frankfurt am Main : S. Fischer, 1991. 591 p.

## References

Benjamin, W. (1995), "Über den Begriff der Geschichte", translated by Moloka, D., *Moscow Art Magazine*, no. 7, pp. 6–9 (in Russian).
Berdyaev, N. A. (1923), *Smysl istorii: Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by* [The Meaning of History: An Experience in the Philosophy of Human Destiny], Obelisk, Berlin, 268 p. (in Russian).
Cassirer, E. (1961), *The Myth of the State*, Yale University Press, New Haven, 303 p.
Deleuze, G. (1995), *Logique du sens*, translated by Svirskii, Ya. I., Academiya, Moscow, 299 p. (in Russian).
Peshkov, A. I. (1996), "He Who Destroys Is Small in the Kingdom of Christ…", in Pobedonostsev, K. P., *Sochinneniya* [Works], Nauka, Saint Petersburg, pp. 3–31 (in Russian).
Pobedonostsev, K. P. (1996), "Moscow Collection", in Pobedonostsev, K. P., *Sochinneniya* [Works], Nauka, Saint Petersburg, pp. 264–471 (in Russian).
Simmel, G. (1996), "Das Problem der historischen Zeit", translated by Rutkevich, A. M., in Simmel, G., *Izbrannoe, v 2 tomakh. Tom 1, Filosofiya kul'tury* [Selected Works, in 2 vols, Vol. 1, Philosophy of Culture], Yurist, Moscow, pp. 517–529 (in Russian).
White, H. (1991), *Metahistory. Die historische Einbildungskraft im 19. Jahrhundert in Europa*, S. Fischer, Frankfurt am Main, 591 p.

*Рукопись поступила в редакцию / Received: 8.04.2022*
*Принята к публикации / Accepted: 27.04.2022*

**Информация об авторе**

Соболева Майя Евгеньевна
доктор философских наук,
экстраординарный профессор
Марбургский университет им. Филиппа
35032 Германия, Марбург,
ул. Вильгельма Репке, 6 Б
E-mail: sobolme63@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-5904-8701

**Information about author**

Soboleva, Maja Evgenjevna
D. Sci. (Philosophy), Extraordinary Professor
Philipps University of Marburg
6B Wilhelm-Roepke-Strasse, Marburg
35032 Germany
E-mail: sobolme63@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-5904-8701